

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10025

Кузнецов А. А.

Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо и иерархи Православной церкви на Руси

Всеволод (Дмитрий) Юрьевич Большое Гнездо (1154–1212) оказался в 1176 г. на владимирском престоле по воле случайности. В трёхлетнем возрасте лишился отца — Юрия Владимировича (Долгорукого). Наверное, он даже и не помнил его. Потом, будучи изгнан старшим сводным братом Андреем Боголюбским в 1162 г. из Залесской земли, Всеволод побывал в Византии и вернулся на Русь. Находился на её юге, в основном, на степном пограничье, среди кочевников-«конфедератов», и выполнял поручения великих киевских князей, иногда следуя в фарватере державной политики своего сводного брата Андрея Боголюбского. Среди Рюриковичей Всеволод особого веса не имел. Неслучайно южнорусский летописец в перечне князей под 1168 г. называет будущего владимирского правителя на последнем месте, называет крестильным именем с добавлением уничижительно-уменьшительного суффикса — Дмитрок¹. Всеволод-Дмитрий до 1174 г. не покушался на владимирский престол и, видимо, не помышлял о нём. Позиции Андрея Юрьевича казались незыблемыми: походы на Волжскую Булгарию, разгром Киева, попытка сделать то же самое с Новгородом, масштабное храмостроительство, державные хлопоты о своей митрополии...

Всё изменилось 15 июня 1174 г. В результате заговора Андрей Юрьевич трагически погиб. Достоверно о его гибели сообщают лишь Лаврентьевская (Радзивилловская), Летописец Переяславля Суздальского), Ипатьевская и Новгородская первая летописи. Сведения этих источников весьма лаконичны и не дают оснований ни для «булгарской», ни для «боярской», ни для иной какой-то версии. Возможность для подобных рассуждений дают лишь тексты, созданные в XVI–XVII вв. В части об убийстве Андрея Боголюбского они не являются историческими источниками, но исключительно литературным произведением с большой долей додумывания². По достоверным летописям известны только имена убийц, но об их мотивации ничего не говорится. Тем более, выведение догадки о причастности Всеволода Большое Гнездо к убийству старшего брата из домыслов В. Н. Татищева не выдерживает источниковедческой критики³. Этот экскурс важен для изучения отношений Всеволода Юрьевича, ставшего владимирским князем, с ростовским епископом Леоном. Если бы Всеволод был братоубийцей, то выстраивание «диалога» с духовным владыкой Залесской земли сделало бы личными хладнокровными политиками обоих (если Леон знал) или одного Всеволода (если скрывал).

Анализируя сведения о епископах ростовских — Леон (ум. в 1183 г.) — Лука (1184–1189) — Иоанн (1190 — отказался от кафедры в 1214 г.) в связи с владимирским правлением Всеволода Большое Гнездо, надо отметить, что обе стороны были взаимно

¹ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 354, а также прим. 22.

² Кузнецов А. А. Сведения источников XV–XVII вв. об участии в убийстве Андрея Боголюбского его жены // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. Сб. статей. М., 2012. С. 23–32.

³ Кузнецов А. А. Жена Всеволода Большое Гнездо: яское (аланское) или чешское происхождение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 19–20.

лояльны и бесконфликтны. Леон никак не проявился в борьбе Юрьевичей и их племянников Ростиславичей за власть в Северо-Восточной Руси в 1174–1180/81 гг., не пытался заступиться за пленённых Мстислава и Ярополка Ростиславичей (их ослепили (не убили!), весьма вероятно, по приказу Всеволода Юрьевича⁴) и пр. Такая отстранённость епископа контрастирует с соперничеством между Ростовом и Владимиром за столичность. Видимо, политическое первенство «старого» Ростова и «молодого» Владимира не проецировалось тогда на локализацию и номинацию епископа. И эта тема не была актуальной во владимирское княжение Всеволода Юрьевича. Идея о локальной тождественности духовного и государственного центра Северо-Восточной Руси стала злободневной после смерти Всеволода Большое Гнездо в 1212 г., когда в борьбе власть и властный порядок сошлись Георгий (Юрий) и Константин Всеволодовичи, правившие во владимирской и ростовской частях соответственно. Характерен для этой ситуации добровольный уход с кафедры в 1214 г. епископа Иоанна, после чего произошло её разделение. Добровольная отставка епископа, который до этого почти четверть века был пастырем, показывает, что он оказался не готовым к усобице Всеволодовичей, что именно в ходе усобицы обе стороны пытались его перетянуть на себя (хотя об этом в летописях не сообщается).

При самом Всеволоде Юрьевиче единственный конфликт, сопряжённый с ростовским епископом, оказался связан с внешними обстоятельствами. Князь в 1184 г. просил митрополита поставить епископом кроткого игумена Спаса на Берестове Луку. Митрополит Никифор же за мзду, как написано в Лаврентьевской летописи, стремился утвердить на ростовской кафедре Николу Гречина. Всеволод, видимо, ссылаясь на мнение народа, всё же убедил Никифора сменить Николу Гречина на Луку⁵. В Ипатьевской летописи о мзде не упоминается, но Всеволод Владимирский вместе с киевским князем Святославом уговорили митрополита поставить на ростовскую кафедру Луку⁶. Так или иначе, в данном случае недавно утвердившийся на владимирском столе Всеволод Юрьевич не согласовал, а убедил главу Церкви на Руси направить в Залескую землю того, кого считал необходимым и удобным для себя.

Общение владимирского князя Всеволода Юрьевича с ростовскими епископами создаёт впечатление симфонии. Князь и владыка присутствовали на значимых друг для друга мероприятиях: на освящениях храмов, крещениях княжичей... Очевидно, что одной из причин такого положения было не всегда устойчивое положение самого Всеволода Юрьевича. Сначала он доказывал внутри княжества, что он настоящий, законный правитель, затем это пришлось делать вовне. Ему постоянно надо было подчёркивать свою легитимность как князя Залесской земли среди многолюдного семейства Рюриковичей. И в этом видится отличие княжения Всеволода Большое Гнездо от Андрея Боголюбского. Учитывая ряд летописных сообщений, у Андрея Юрьевича было ещё меньше законных оснований великое княжение в Северо-Восточной Руси (если доверять сведениям о том, что Юрий Владимирович планировал передать престол младшим сыновьям). И князь Андрей утверждал своё державное положение жёсткими средствами и внутри, и вне княжества⁷. Внутриполитический курс на упрочение своего положения, кроме прочего, выразился в споре Андрея Юрьевича

⁴ См. подробнее: Кузнецов А. А. О происхождении даты «прозрения» Мстислава и Ярополка в русском летописании // Вестник Удмуртского университета. 2008. Серия 5: История и филология. Вып. 2. С. 33–46.

⁵ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 390–392.

⁶ Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 629–630.

⁷ Кузнецов А. А. Князя Северо-Восточной Руси: тенденция сильной власти? (к постановке проблемы) // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Н. Новгород: Кварц, 2011. С. 272–285.

с епископом, что, в свою очередь, оказалось сопряжённым с вопросом об учреждении митрополии. Эта ситуация накладывалась на стремление князя добиться фактического и формального признания доминирования Владимирского княжества в общерусском масштабе. Не зная конкретики, можно сказать, что противодействие давлению владимирского князя породило конфликтогенный фон его правления, и любой импульс сопротивления мог привести к заговору.

Всеволод Юрьевич, извлекая уроки из печального опыта старшего брата, минимизировал риски порождения подобных конфликтов. Правда, ко времени владимирского княжения Всеволода из его братьев, т. е. детей Юрия Долгорукого, уже никого не оставалось в живых, племянники оказались вне княжества и даже вне Руси (Юрий Андреевич попал в Грузию). Надо было добиваться признания власти со стороны Рюриковичей из других княжеств. И поэтому конфликт с ростовским епископом Всеволоду-Дмитрию был не нужен (равно как и конфликт с митрополитом), если князь хотел иметь прочный тыл в своём княжестве. А вот вне Владимирского княжества наблюдается более активное и богатое коллизиями общение Всеволода Юрьевича с епископами, чьи кафедры были в иных княжествах.

На рубеже 1185–1186 гг. среди рязанских князей — Глебовичей — произошёл разлад. Всеволод Глебович устремился во Владимир, ища поддержки у могущественного тезки⁸. Всеволод Юрьевич стал готовить поход. Он намечался, вероятно, на лето 1186 г. О нем стало известно в Чернигове, и во Владимир явился черниговский епископ Перфурий (Порфирий), чтобы примирить Всеволода Юрьевича с Рязанью. Лаврентьевская летопись, где отразился великокняжеский владимирский свод, объясняет мотивы владыки тем, что Рязань входила в Черниговскую епископию. Перфурий вместе с ростовским епископом Лукой убедили Всеволода пойти на мировую. Тот затем отпустил Перфурия в Рязань, дав ему в сопровождение своих послов, а также людей Ярослава Владимировича, внука Всеволода Ольговича (из черниговских князей). Одновременно с визитом Перфурия во Владимир там находилась делегация князя Ярослава. 11 июля 1186 г. за Ярослава Всеволод Юрьевич выдал свою дочь Всеславу. Людей Ярослава тоже послали сопровождать Перфурия в Рязань⁹. Поэтому прибытие Перфурия во Владимир можно объяснить и участием в свадебной церемонии. Для владимирского летописца важным оказался другой, возможно, попутный аспект его миссии — миротворческий. Выпячивание его летописцем на первый план объясняется дальнейшим поведением Перфурия.

Черниговский владыка, прибыв в Рязань, повёл там не те речи, какие от него ожидал услышать Всеволод Юрьевич. Владыка отнюдь не согласовывал их с людьми, прибывшими с ним из Владимира. Суть речей Перфурия в летописи не раскрыта, но, как явствует из его обличения с помощью библейских сентенций, он не призывал Глебовичей прислушиваться к владимирскому князю. Затем епископ бежал в Чернигов¹⁰. Поэтому Всеволод Юрьевич опять засобирался и двинулся в поход на Рязань. В нем участвовали его свояк Ярослав Владимирович, муромский князь Владимир Юрьевич, рязанский сателлит Всеволод Глебович присоединился к ним у Коломны. Войска переправились через Оку и по направлению к Попову (к Понову — в Радзивилловской летописи) разорили села, взяв полон¹¹. Но, вероятно, поход не достиг своих политических целей.

Сложные отношения владимирского князя с Перфурием могут объясняться и тем, что тот, вероятнее всего, был тем самым черниговским епископом, который скрепил

⁸ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 400–403.

⁹ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 404–405.

¹⁰ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 405.

¹¹ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 406.

целование креста Михалком и Всеволодом Юрьевичами, их племянниками Мстиславом и Ярополком Ростиславичами, отправлявшимися в Залесскую землю на правление в 1175/1176 гг.¹². Тогда Всеволод был ещё Дмитроком. Быть может, Перфурий так и повёл себя в 1186 г., что ещё помнил ничего не значившего младшего сына Юрия Долгорукого, помнил, что крест целовали дядья и племянники, а победителем оказался только один Всеволод, ослепивший вторых (детей своего старшего брата). Кроме всего прочего, Перфурий мог быть озабочен и перспективой выделения из Черниговской епархии самостоятельной Рязанской. Если так, то Перфирий не смог предотвратить выделения Рязанской епархии.

В 1207–1208 гг., согласно Лаврентьевской летописи, рязанский епископ Арсений сначала сумел упросить Всеволода Большое Гнездо отказаться от штурма Рязани и уйти обратно, удовлетвовавшись лишь «интернированием» попавших ему в руки рязанских князей. В следующем году, когда рязанцы замыслили извести сына владимирского князя Ярослава Всеволодовича, посаженного на рязанский стол, Всеволод Большое Гнездо увёл рязанцев вместе с епископом Арсением¹³. К сожалению, более об Арсении в летописях не сообщается. Поскольку пленённые князья вернулись домой лишь в 1212 г., то можно предположить, что Рязанская земля до того времени была обезглавлена и духовно. Хотя можно допустить и то, что Всеволод не пошёл на риск портить отношения с митрополитом и поступать с церковным владыкой сообразно нравам позднего Средневековья.

К середине 1190-х гг. владимирский князь Всеволод «вспомнил» о доле князя Залесской земли в Южной Руси и о Переяславле-Русском, который ещё и при его отце Юрии Долгоруком мыслился как неотъемлемая часть Залесской земли. В 1194 г. по указанию Всеволода Большое Гнездо был возобновлен Остерский Городец, а в 1197 г. владимирский князь направил в Переяславль епископа Павла¹⁴. В 1198 г. состоялся поход Всеволода и его старшего сына Константина на половцев, а в Переяславле умер Ярослав Мстиславич, ставленник владимирского князя. В 1200 г. Всеволод Юрьевич утвердил в Переяславле сына Ярослава, в 1205 г. женившегося на внучке Кончака — хана донских половцев, часто нападавших на Переяславль. Посылка епископа Павла в Переяславль находится в череде мероприятий, свидетельствующих о том, что после Юрия Долгорукого правитель Северо-Восточной Руси возвращал реальные позиции на юге Руси. Эти позиции были отодвинуты на задний план Андреем Боголюбским, воплощавшим другую стратегию достижения политического доминирования на Руси. Однако направление Всеволодом Владимирским епископа в Переяславль является значительно большим делом, нежели указанные военно-политические акции.

Переяславль был одним из древнейших церковных центров. Первые епископы появились там, возможно, еще около середины XI века¹⁵. После Василия, ставшего епископом в Переяславле в 1156 г. ещё при Юрии Долгоруком, до Павла в 1198 г. источники не сообщают о епископах Переяславля. Видимо, военно-политические вибрации и нахождение на острие половецких набегов 1160–1180-х гг. привели к тому, что роль Переяславля снизилась, а епископы попросту не посылались туда. И вот

¹² Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 372–374; *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 210.

¹³ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 432, 434.

¹⁴ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 412–414; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 86.

¹⁵ *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 443; *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 181–192, 207–239.

Всеволод Юрьевич, утверждая Переяславль за собой, «посла» туда епископа Павла. Примечательно здесь и то, что на этот раз в своём владении князь Всеволод никого не спрашивал и ни с кем не согласовал своего решения.

В Новгороде архиепископ долгое время не затрагивался политикой Всеволода Большое Гнездо. А политика была крайней жёсткой, доходящей до откровенного силового прессинга. Только под 1200 г. в Новгородской первой летописи сообщается: «Приславъ Всеволодъ, выведе Ярослава из Новагорода и веде и къ собе; а из Новагорода позва владыку посадника Мирошку и вячшии мужи по сыне. И яко быша на озере Серегери, преставися рабъ божии архепископъ новгородскыи Мартурии месяца августа въ 24, на святого апостола Варфоломея; и привезоша и, положиша и въ притворе святыя София. Идоша людье с посадникомъ и съ Михалкомъ къ Всеволоду; и пррия е съ великою честью и вда имъ сынъ Святославъ; а въ Новегороде, съдумавъ съ посадникомъ и съ Михалкомъ и съ новгородци, и въведе въ епискупию Митрофана, мужа богоизбрана»¹⁶.

После того, как Мстислав Мстиславич Удатный захватил в Новгороде Святослава Всеволодовича (потом его отпустили во Владимир) и сам утвердился на новгородском столе, произошла замена архиепископа. Митрофан уступил кафедру Антонию¹⁷. Затем Антоний будет сопровождать Мстислава в его акциях. Вероятно, как когда-то Всеволод Юрьевич, утвердившись во Владимире, сумел обеспечить ростовское епископство за своей креатурой, то и Мстислав руководствовался подобной практикой.

* * *

Всеволод Юрьевич Большое Гнездо по отношению к своему епископу проявлял максимум корректности, но заботился, чтобы это был его ставленник. С епископами других княжеств владимирский князь не был деликатен: иерархов он использовал как средство в политической борьбе. Особенно остро это проявилось в отношениях с черниговским епископом. Причины этого крылись, вероятно, в споре из-за Рязани и в личных отношениях епископа и владимирского князя. Кроме того, объективно черниговский и владимирский князья должны были столкнуться. Черниговский князь претендовал на киевский престол, а владимирский князь по мере упрочения своего положения в Северо-Восточной Руси фактически становился одной из главных сил Древнерусского государства и не собирался подчиняться киевскому князю. Не случайно в 1210 г. во Владимир приедет митрополит Матфей, чтобы мирить Всеволода Чермного (киевского князя из Ольговичей) и Всеволода Большое Гнездо¹⁸. Всеволод Владимирский охотно откликнулся на это предложение, поскольку как и его черниговский тезка, оказался в весьма трудной ситуации изоляции на Руси.

С митрополитами, чья деятельность пришлась на время княжения Всеволода, у него конфликтов не возникало. Вероятно, по негласной договорённости, ни они, ни владимирский князь не затрагивали сферу суверенитета контрагента. Более того, митрополиту Никифору¹⁹ не могло не понравиться восстановление фактического пребывания епископа в Переяславле ставшим к тому времени могущественным владимирским князем. Может быть, поэтому Никифор сквозь пальцы взирал на жёсткое обращение Всеволода Юрьевича с рязанским владыкой Арсением.

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 44, 238.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / ПСРЛ. Т. III. С. 52, 249–250.

¹⁸ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I.

¹⁹ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. С. 200–201.

Источники и литература

1. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963.
2. *Ипатьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998.*
3. *Кузнецов А. А.* Жена Всеволода Большое Гнездо: яское (аланское) или чешское происхождение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 17–27.
4. *Кузнецов А. А.* Князя Северо-Восточной Руси: тенденция сильной власти? (к постановке проблемы) // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Н. Новгород: Кварц, 2011. С. 272–285.
5. *Кузнецов А. А.* О происхождении даты «прозрения» Мстислава и Ярополка в русском летописании // Вестник Удмуртского университета. 2008. Серия 5: История и филология. Вып. 2. С. 33–46.
6. *Кузнецов А. А.* Сведения источников XV–XVII вв. об участии в убийстве Андрея Боголюбского его жены // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. Сб. статей. М.: РОССПЭН, 2012. С. 23–32.
7. *Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997.*
8. *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) / Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
9. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Полное собрание русских летописей. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000.*
10. *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Пер. А. В. Назаренко. Под ред. К. К. Акентьева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Византинороссика, 1996.
11. *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989.